

Издательский дом «Плутон»
Научный журнал «Юридический факт»
ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431 УДК

378.001

ХIII Международная научная конференция
«Свобода и право»

СБОРНИК СТАТЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ

26 июня 2017

Кемерово

СБОРНИК СТАТЕЙ ТРИНАДЦАТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СВОБОДА И ПРАВО»

26 июня 2017 г.

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISBN 978-5-9500488-0-7

Кемерово УДК 378.001. Сборник докладов студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава. По результатам XIII Международной научной конференции «Свобода и право», 26 июня 2017 г. www.ur-fakt.ru / Редкол.:

Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзуцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

Кемерово 2017

В сборнике представлены материалы докладов по результатам научной конференции.

Цель – привлечение студентов к научной деятельности, формирование навыков выполнения научно-исследовательских работ, развитие инициативы в учебе и будущей деятельности в условиях рыночной экономики.

Для студентов, молодых ученых и преподавателей вузов.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 04.07.2017 г.

Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 2.2. | Тираж 500.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.

Содержание

1. РЕШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ.....	4
Салахов З.Э.	
2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В РФ.....	7
Салахов З.Э.	
3. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКРИМИНАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ.....	10
Миннигалеева А.М.	
4. К ВОПРОСУ О НАСЛЕДОВАНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ.....	12
Шафиева С.И., Скибенко Я.Г.	
5. ПРАВОВОЙ РЕЖИМ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	15
Скибенко Я.Г., Шафиева С.И.	
6. СТАТУС СВОБОДЫ В РИМСКОМ ПРАВЕ.....	18
Джиджавадзе Л.Г.	
7. ПРОТИВОРЕЧИЯ В ДОСТИЖЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	22
Лукоянова Э.Р., Леонтьева Т.И.	

Салахов Заур Эльшан оглы,
Магистрант 2 курса юридического факультета,
Российский государственный социальный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Salakhov Zaur Elshan ogly
Second year Master's student of the law faculty,
Russian state social university,
Moscow, Russian Federation
E-mail: salahov98@gmail.com

УДК 341

РЕШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

RULINGS OF EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Аннотация. В статье рассматриваются решения Европейского суда по правам человека в реалиях правовой системы Российской Федерации. Отмечается, что ЕСПЧ часто выносит вердикт в пользу ответчиков. Рассматривается двойственный подход РФ к трактовке своих обязательств по отношению к решениям ЕСПЧ.

Abstract. In this paper we analyse the rulings of the European Court of Human Rights in the context of the Russian system of law. We note that the ECHR often rules unfavorably for the Russian state. We analyse the multi-faceted approach of the Russian Federation in regard to the rulings of the ECHR.

Ключевые слова: ЕСПЧ; Российская Федерация; международное право; суд; судебная практика.

Keywords: ECHR; Russian Federation, international law; court; jurisprudence.

Современная российская система права прочно связана с широким рядом международных юридических актов, подписанных и ратифицированных Российской Федерацией. В частности, признание значимости этих документов закреплено в Конституции РФ.

Рассматривая вопросы правосудия, невозможно не упомянуть ст. 46 Конституции [1], которая гарантирует гражданам РФ право на судебную защиту в международных правозащитных органах. Наиболее важная роль де факто дается Европейскому суду по правам человека (ЕСПЧ).

В 1998 г. Российская Федерация осуществила ратификацию Конвенции о защите прав человека и основных свобод, при этом признав юрисдикцию ЕСПЧ по вопросу трактовки принятого документа и всех протоколов к нему [2].

Отмеченный факт крайне важен для понимания роли решений ЕСПЧ, т.к. подразумевает, что для России после ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод стали обязательны не только нормы самого документа, но и все решения ЕСПЧ, в которых трактуются нормы Конвенции.

Достаточно большое значение имеет и то, что для России обязательными являются не только решения ЕСПЧ, принятые непосредственно в отношении страны, но и решения, принятые Судом по

отношению к третьим сторонам. Это объясняется тем, что даже в случаях, когда Россия не является стороной разбирательства в ЕСПЧ, решение Суда формирует прецедентную базу, которая, в свою очередь, является обязательной для России, континуально модифицируя законодательство страны [3].

Тем не менее, ЕСПЧ функционирует в соответствии с принципом subsidiarity. До того момента, пока граждане не исчерпают свои возможности по защите нарушенных прав в пределах национальной судебной системы, дело не может быть передано в ЕСПЧ. Такое положение дел оказывается достаточно удобным, т.к. не допускает вмешательства в ЕСПЧ во внутренние дела государства, при этом позволяя гражданам реализовывать свои конституционные права на судебную защиту в международных органах [4].

При этом решения ЕСПЧ строго обязательны для сторон, ратифицировавших Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, что следует из ст. 46 Конвенции [5].

Анализ судебной практики ЕСПЧ в отношении России дает интересные результаты. Так, на 2016 г. против России было подано 7010 исков. Однако лишь 645 из них были рассмотрены в ЕСПЧ. Таким образом, лишь 9.2% всех поданных исков были приняты на рассмотрение Суда. Такой высокий процент объясняется несоблюдением формальных требований к подаче иска. Из 645 исков было рассмотрено лишь 228. В 222 случаях суд постановил, что имело место хотя бы одно нарушение со стороны России [6].

Такая ситуация позволяет говорить о достаточно интересной ситуации, при которой суд, отклоняя абсолютное большинство подаваемых исков против России, удовлетворяет большую их часть.

Анализ судебной практики позволяет нам сделать вывод о том, что подавляющее число исков против России по существу имеют дело с проблемами бюрократического характера в стране. Более четверти поданных жалоб связаны с неисполнением, либо нарушением сроков исполнения принятых в рамках российской судебной системы судебных актов. Смежным с данным классом жалоб являются жалобы в ЕСПЧ на чрезмерно длинные сроки судебного разбирательства. Отдельным классом жалоб выступают таковые, которые затрагивают вопросы пыток, унижения человеческого достоинства, а также нарушения условий содержания.

Наиболее значимой проблемой, сопряженной с ЕСПЧ, является вопрос безусловного приоритета решений ЕСПЧ над конституционными нормами отдельных стран. Суд настаивает, что Венская конвенция о праве международных договоров в ст. 27 [7] запрещает государствам ссылаться на национальное законодательство в качестве обоснования неповиновения решениям суда. Та же позиция имплицитно внедрена во многие национальные законодательства, включая российское, на базисе признания норм международного права и ратификации этих документов.

Фактически, ратифицированная международная норма становится составной частью национального законодательства. Касательно непосредственно норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод, такая позиция не вызывает нареканий ни у одной из сторон этого документа. Ситуация значительно усложняется, когда ЕСПЧ распространяет эту логику на корпус своих судебных решений.

Широко известны случаи, в которых суды таких стран, как Австрия, Германия, Италия, Литва и Турция, отрицали такое положение дел. Невозможно утверждать, что решения ЕСПЧ не имеют высокого значения в правовых системах стран, ратифицировавших конвенцию, однако их абсолютный приоритет находится под сомнением [8]. Схожая ситуация в настоящее время наблюдается в Российской Федерации. Решения ЕСПЧ соблюдаются, однако не становятся прецедентными в российской судебной системе. Можно говорить о том, что достигается своего рода компромисс.

Дополнительной сложностью в российских реалиях является признание в Конституции РФ ее высшей юридической силы по отношению к международным договорам. Необходимо констатировать наличие сложного нормативного конфликта. Тем не менее, непосредственно нормы Конвенции и Конституции РФ полностью совместимы друг с другом, что нивелирует значение этого конфликта. Основные сложности возникают лишь в тех случаях, когда трактовки этих норм, производимые ЕСПЧ и российской стороной, начинают противоречить друг другу.

В заключение необходимо сказать, что ЕСПЧ является важным инструментом в российской системе права. Суд не только обеспечивает граждан дополнительными гарантиями соблюдения своих прав, но и создает важную для России судебную практику. При этом, судебная практика показывает, что подавляющей число исков против РФ не принимается ЕСПЧ к рассмотрению по причинам несоблюдения формальных требований.

Библиографический список:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, № 31. – 04.08.2014.
2. Федеральный закон от 30.03.1998 N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" // Российская газета, № 67. – 07.04.1998.
3. Анохин Ю.В., Черепанова О.С. О значении решений Европейского суда по правам человека для правовой системы Российской федерации // Вестник Воронежского института МВД России, № 1, 2015. – С. 128-138.
4. Князев С.Д. Обязательность постановлений ЕСПЧ в правовой системе России (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал российского права, № 12, 2016. – С. 1-6.
5. "Конвенция о защите прав человека и основных свобод"(Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Бюллетень международных договоров, № 3, 2001.
6. Russia. Press Country Profile. European Court of Human Rights [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/CP_Russia_ENG.pdf (дата обращения: 20.04.2017).
7. "Венская Конвенция о праве международных договоров" (Заключена в Вене 23.05.1969) // Ведомости ВС СССР, № 37. – 10.09.1986.
8. Старженецкий В.В. Международные суды и трансформация национальных правовых систем // Международное правосудие, № 3, 2013. – С. 23-28.

Салахов Заур Эльшан оглы,
Магистрант 2 курса юридического факультета,
Российский государственный социальный университет,
г. Москва, Российская Федерация

Salakhov Zaur Elshan ogly
Second year Master's student of the law faculty,
Russian state social university,
Moscow, Russian Federation
E-mail: salahov98@gmail.com

УДК 343.13

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В РФ

USAGE OF RESULTS OF INVESTIGATIVE WORK IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Аннотация. В статье рассматриваются вопрос использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе РФ. Выделяется и описывается ряд существующих проблем. Предлагается ряд возможных путей решения выявленных проблем.

Abstract. In this paper we analyse the usage of the results of investigative work in Russian Criminal Law. We highlight and describe a number of contemporary problems in this field. A number of possible solutions to these issues is put forward.

Ключевые слова: Оперативно-розыскные мероприятия; уголовный процесс; РФ; актуальные проблемы.

Keywords: Investigative work; criminal law; Russian Federation; contemporary issues.

Как известно, оперативно-розыскная деятельность в России регулируется Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [1], а также общими положениями Уголовно-Процессуального Кодекса РФ [2]. В настоящее время проблема использования результатов описанного вида деятельности обладает крайне высокой актуальностью. Это связано как с тем, что оперативно-розыскные мероприятия являются неотъемлемой частью работы правоохранительных органов, так и тем, что российское законодательство обладает значительным рядом недостатков в вопросе регулирования этого вида деятельности правоохранительных органов.

В российском законодательстве на данный момент не проработаны механизмы взаимодействия между прокуратурой и другими органами, осуществляющими правоохранительную деятельность [3].

В связи с этим, мы считаем необходимым сформулировать ряд предварительных требований, на основе которых такое взаимодействие осуществлялось бы наиболее эффективным образом. На этом базисе станет возможным выдвижение конкретных законодательных новелл, которые позволили бы реализовать выдвинутый механизм взаимодействия.

В первую очередь необходимо отметить, что взаимодействие прокуратуры и правоохранительных органов, в том числе тех, которые занимаются вопросами осуществления оперативно-розыскной деятельности, должно осуществляться на основе разграничения сфер компетенции. Нам видится бессмысленным коллективное выполнение одной и той же работы прокуратурой и иными правоохранительными органами, т.к. в первую очередь необходима оптимизация структуры существующей системы, а не перераспределение ресурсов внутри нее. Выполнение описанного требования повлечет за собой выполнение задач обоснованности проводимых оперативно-розыскных мероприятий, а также обеспечению их объективности.

Мы придерживаемся того мнения, что именно прокуратура должна координировать оперативно-розыскную деятельность. Это вызвано тем, что этот правоохранительный орган с большей вероятностью будет проявлять непредвзятость. Таким образом, будут соблюдаться общегосударственные, а не ведомственные интересы в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Кроме проблемы недостаточного участия прокуратуры в оперативно-розыскных мероприятиях, следует выделить проблему ограниченности роли следователя в случаях, когда происходит приостановление предварительного следствия [4]. В этих случаях следователь с точки зрения действующего законодательства может лишь передавать органам дознания соответствующие поручения об осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Интересная проблема возникает при проведении специализированных экспертиз, таких как фоноскопические исследования аудиозаписей в рамках оперативно-розыскной деятельности [5]. Зачастую подозреваемые отказываются от предоставления образцов своего голоса для сравнения с имеющимися аудиозаписями в материалах следствия, ссылаясь на ст. 51 Конституции РФ [6]. Возникает проблема, т.к. ст. 202 УПК РФ гласит, что для получения таких материалов необходимо проведение процессуальных действий в рамках специальной процедуры.

В тех случаях, когда органы, проводившие оперативно-розыскные мероприятия, косвенным путем получали необходимые голосовые образцы, суд ссылаясь на позицию Верховного Суда РФ, который постановляет, что лишь образцы голоса, полученные в рамках процессуальных действий, могут быть использованы для проведения фоноскопической экспертизы [7]. Аналогичные проблемы возникают при проведении анализа почерка подозреваемых.

Все вышесказанное согласуется с позицией Конституционного Суда РФ, который отмечает, что результаты оперативно-розыскной деятельности не могут априори служить доказательствами в уголовном процессе. Вместо этого, они считаются «сведениями об источниках фактов» [8].

С указанным выше связана существующая законодательная проблема. УПК РФ не регламентирует порядок введения результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Возникает своего рода казус: к доказательствам в рамках УПК РФ предъявляется требование о соблюдении четырех основных критериев достоверности, допустимости, достаточности и относимости. Без соблюдения всех четырех критериев доказательство не считается таковым.

В связи с тем, что результаты оперативно-розыскной деятельности по своей природе часто противоречат требованию допустимости, они подпадают под действие ст. 75 УПК РФ и становятся недопустимыми в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что современное российское законодательство содержит широкий ряд недоработок, связанных с осуществлением оперативно-розыскной деятельности и использованием ее результатов в уголовном судопроизводстве.

В первую очередь необходимо осуществить оптимизацию процесса проведения оперативно-розыскных мероприятий путем увеличения полномочий прокуратуры по координированию этим процессом.

Кроме того, мы считаем целесообразным разрешить существующие противоречия, связанные с результатами оперативно-розыскной деятельности, которые на данный момент в ограниченном числе случаев могут использоваться в качестве доказательств в уголовном процессе (вещественные доказательства), несмотря на прямой запрет на это, содержащийся в УПК РФ.

Решение названных проблем может в значительной мере способствовать как совершенствованию российского законодательства, так и увеличению эффективности проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» // «Собрание законодательства РФ», 14.08.1995, № 33, ст. 3349.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
3. Чистанов Т.О., Карпинчик А.В. Практические проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XXVIII международной научно-практической конференции – Новосибирск: СибАК, 2015. – С. 5-8.
4. Волосюк П.В. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука, № 1, 2015. – С. 38-41.
5. Потапова Р.К. Потапов В.В., Лебедева Н.Н. Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 352 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
7. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, № 5, 2010.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О «По жалобе гражданина М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Вести Конституционного Суда РФ, № 3, 1999.

Миннигалеева Аделия Маратовна
Minnegalieva Adelia M.

магистрант 1 курса Института исторического и правового образования
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа
E-mail: adelia102@yandex.ru

УДК 34

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКРИМИНАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ

LEGAL ASPECTS OF DISCRIMINATION IN EDUCATION

Аннотация. В статье поднимается проблема дискриминации в образовании. Анализируется судебная практика по дискриминации, а также существующие на сегодняшний день исследования уровня дискриминации в образовательных учреждениях.

Abstract. The article raises the problem of discrimination in education. Analyzed court practice on discrimination, as well as current research level of discrimination in educational institutions.

Ключевые слова: дискриминация, образование, ответственность за дискриминацию, судебная практика по дискриминации, анализ анкетирования

Keywords: discrimination, education, liability for discrimination, the court practice on discrimination, a survey

Несмотря на активную пропаганду и поддержку идей толерантности на международном и государственном уровне, современное общество сталкивается с проявлениями нетерпимости. Если раньше, наиболее часто поднимали вопросы дискриминации по признаку нации и расы, то сейчас дискриминация проявляется в совершенно иных признаках: материальное положение, пол, место жительства. Кроме того, в обществе выделяют и обсуждают проблемы дискриминации в сфере трудовых отношений. Большинство публикаций посвящено данному вопросу, однако, дискриминация проявляется не только в отношениях между работодателем и работником, но и в сфере образования.

В настоящее время разработана нормативно-правовая база, которая закрепляет принцип толерантности и ответственность за дискриминацию, однако, стоит выяснить, насколько практически реализуются данные нормы: существует ли судебная практика конкретно по дискриминации в целом, а также дискриминации в сфере образования.

Прежде чем перейти к анализу, определим, что понимается под «дискриминацией». В международных актах, которые были представлены нами выше, понятие «дискриминация» не было определено, лишь Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования поясняет: дискриминация это различие, исключение, ограничение или предпочтение, которое нарушает равенство в области образования. Согласно статье 5.62 КоАП РФ дискриминация - нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, цвета кожи,

национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам.

За дискриминацию в области конституционных прав и свобод предусмотрена административная 5.62 КоАП РФ, которая влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до трех тысяч. Ранее ответственность за дискриминацию была предусмотрена ст. 136 Уголовного кодекса Российской Федерации. В то же время с внесением изменений в КоАП РФ важное изменение было внесено и в ст. 136 УК РФ. В частности, в составе преступления предусмотренного ст. 136 УК РФ остались лишь деяния, выраженные в нарушении прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, совершенные лицом с использованием своего служебного положения. Таким образом, указанные неправомерные действия частично декриминализованы [3,157].

Проанализировав судебную практику по данному основанию 5.62 КоАП за 2015-2017гг. можно сделать следующие выводы:

Наиболее часто, а именно 60% - это дискриминация в трудовых отношениях. Причем, неожиданными стали и сами признаки, по которым дискриминировали возможных работников: дискриминация по месту проживания, работнику было отказано в работе из-за удаленного местожительства в 36% случаях. Следующий признак - отказ в принятии на работу связи с достижением возраста - 18% и в 6% -дискриминирующим признаком стали вредные привычки.

Следующую позицию занимает дискриминация в гражданско-правовых отношениях (40%). С лицами, другой национальности отказывались заключать договоры оказания услуг, договор страхования в 30% случаях и в 10%- отказ в связи с инвалидностью.

Однако, наиболее важным для нас, было выявить случаи дискриминации в сфере образования и дискриминирующие признаки. Результаты следующие: судебная практика по дискриминации в сфере образования отсутствует.

Выводы, полученные путем анализа практики за последние два года значительно разнятся с анализом исследований в данной области. Так, И.И. Бойко представляет данные анкетирования студентов высших и средних профессиональных учебных заведений. Несмотря на небольшой жизненный опыт, респонденты испытали дискриминацию в 5,6 % при получении образования [1,11]. Н.В. Грогуленко, Э.С. Гареев провели анализ выраженности и соотношения этнической идентичности и этнической толерантности. В результате анкетирования выявлено следующее, что 7, 6% респондентов сталкивались с открыто негативным отношением к себе. Вместе с тем 26% опрошенных, так или иначе, сталкивались с проявлениями неприязни на национальной почве в университете. Материалы социологического опроса М.Б. Едигаряна, Н.А. Колесниченко, который был проведен среди студентов Краснодарского края показал, что 16,4 % опрошенных подвергались дискриминации на почве национализма [2,27].

Данные результаты демонстрируют следующее: дискриминация в образовании существует, причем по различным признакам: национальность, социальное положение, материальный достаток и пол. Отсутствие судебной практики по данному вопросу обусловлено сложностями доказывания факта дискриминации, а также желанием участников образовательного процесса избежать конфликтов, которые могут повлиять на обучение в данном образовательном учреждении.

Библиографический список:

- 1.Бойко И.И., Харитонов В.Г. Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии о межэтнических отношениях // Вестник Марийского государственного университета. – Чебоксары.2015. №1.– С.11-14
- 2.Едигарян М.Б., Колесниченко Н.А. Межэтнические отношения в Краснодарском крае в оценках студенческой молодежи // Альманах мировой науки. – Краснодар, 2015. №3. - С. 24-29
- 3.Гришаков А.Г. Федяев Е.А. Административная ответственность за дискриминацию // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. – Барнаул, 2012. - С. 156-159

Шафиева София Ильдаровна
Shafieva Sofiya Ildarovna

Скибенко Яна Григорьевна
Skibenko Yana Grigorevna

Студентки

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону
E-mail: sofiashafieva@mail.ru

УДК 347.78

К ВОПРОСУ О НАСЛЕДОВАНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

INHERITANCE OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

Аннотация: Статья посвящена вопросу наследования интеллектуальных прав в российском гражданском праве. Авторы ставят проблему наследования отдельных категорий интеллектуальных прав: исключительного права, личных неимущественных прав и иных интеллектуальных прав. Рассматриваются особенности дефиниции исключительного права в современном гражданском праве. Впоследствии авторами разграничиваются наследуемые и не наследуемые интеллектуальные права. В рамках работы затрагивается проблема включения в наследуемое имущество обязательственных прав авторов-наследодателей.

Annotation: The article deals with inheritance of intellectual property rights in the Russian civil law. The authors highlights the problem of inheritance of certain categories of intellectual property rights: the exclusive right, moral rights and other intellectual property rights. Features of definition of "exclusive rights" in modern civil law are considered. Then the authors differentiates between inherited and non-inherited intellectual property rights. Within the article the problem of inclusion of obligatory rights of the authors-testators in heritage is analyzed.

Ключевые слова: наследование, интеллектуальные права, исключительное право, личные неимущественные права, иные интеллектуальные права.

Keywords: inheritance, intellectual property right, exclusive right, moral rights, other intellectual property rights.

Одним из актуальных и не до конца исследованным в научной литературе остается вопрос о наследовании объектов интеллектуальной собственности. Правовое регулирование интеллектуальной собственности претерпело существенные изменения за последние несколько сотен

лет: от распространения режима вещного права до выделения в самостоятельную часть Гражданского кодекса РФ. Механическое заимствование понятия «интеллектуальная собственность» как из законодательства Российской империи, так из зарубежных правовых порядков не отразило в современном ГК РФ специального правового регулирования вопросов наследования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации как нематериальных прав.

В состав наследственного имущества входят следующие интеллектуальные права: исключительное право; личные неимущественные права; иные интеллектуальные права. Некоторые исследователи дополняют вышеуказанный ряд также обязательственными правами и обязанностями, возникшими у авторов наследодателей.

Термины «исключительное», «исключительные», «исключительно» в современном российском гражданском праве, по мнению исследователей, должны трактоваться в соответствии с их буквальным значением, в смысле исключения, устранения третьих лиц из числа потенциальных участников имущественных гражданских правоотношений (абз. 2 ст. 138 ГК РФ).

Юридическое содержание понятия «исключительные права» в контексте толкования гл. IV ГК РФ состоит также в закреплении только за правообладателем имущественных и связанных с ними личных неимущественных прав на использование произведений науки, литературы, искусства и объектов промышленной собственности, а также в имущественном праве правообладателя на получение дохода от использования объектов интеллектуальной собственности в гражданском обороте [1; 416]. В конечном счете, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о наследовании» № 9 от 29 мая 2012 г. (далее - Постановление № 9 от 29 мая 2012 г.) допускает наследование исключительных прав на все объекты интеллектуальной собственности лишь с некоторыми изъятиями. Наследование последних заключается в том, что гражданин, унаследовавший исключительное право на товарный знак и знак обслуживания, должен произвести отчуждение этого права в течение года со дня открытия наследства. Наследниками исключительного права на наименование места происхождения товара и на коммерческое обозначение в качестве средства индивидуализации, принадлежащего правообладателю предприятия, могут выступить только юридическое лицо или индивидуальный предприниматель.

По-другому в практике обстоят дела с наследованием личных неимущественных прав. С. П. Гришаев отмечает, что не переходят по наследству такие личные неимущественные права, как «право авторства (наследник ни при каких условиях не может считаться автором произведения), право на имя (наследник не может решать вопросы, связанные с тем, будет ли произведение опубликовано под настоящим именем автора, под псевдонимом или анонимно) и право на неприкосновенность произведения (это значит, что произведение должно использоваться в том виде, как его создал автор, то есть нельзя вносить изменения в текст и название произведения; в то же время допускается изменение формы произведения, например, переработка драматического произведения в повествовательное либо в сценарий и наоборот)» [2; 184]. По его мнению, наследники автора вправе только осуществлять защиту указанных прав, но не более.

Ю. Н. Фольгерова в свою очередь не отрицала возможности наследования лишь некоторых личных неимущественных прав (права на неприкосновенность произведения, права на обнародование произведения и право на отзыв) при соблюдении ряда условий, а именно: «...приоритетом будет наделять тот наследник, которому завещано исключительное право.», а также «... если их реализация не противоречит воле автора произведения.» [3; 314].

Неоднозначно решается вопрос о наследовании «иных интеллектуальных прав». Согласно Постановлению № 9 от 29 мая 2012 г. к этой группе относятся, хотя и не ограничиваются ими, следующие права: право следования в отношении произведений изобразительного искусства, авторских рукописей (автографов) литературных и музыкальных произведений в соответствии с п. 3 ст. 1293 ГК РФ; право на получение патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец (п. 2 ст. 1357 ГК РФ) и право на получение патента на селекционное достижение (п. 2 ст. 1420 ГК РФ); право на вознаграждение за служебные результаты интеллектуальной деятельности, причитающееся работнику - автору служебного произведения, служебного изобретения, служебной полезной модели или служебного промышленного образца, служебного селекционного достижения, служебной топологии (абз. 3 п. 2 ст. 1295, абз. 3 п. 4 ст. 1370, п. 5 ст. 1430, п. 4 ст. 1461 ГК РФ).

Относительно вопроса наследования права на вознаграждение за служебные результаты интеллектуальной деятельности в литературе между исследователями развернулась дискуссия. Так, О. Ю. Шилов говорит о наследовании только тех интеллектуальных прав, возможность которых прямо указана в ГК РФ. Отсюда право на вознаграждение за использование служебного произведения (п. 2 ст. 1295 ГК РФ), по его мнению, «следует рассматривать как неразрывно связанное с личностью наследодателя - работника и в силу этого подпадающее под ограничения, предусмотренные ст. 1112 ГК РФ. Как представляется, только такое толкование позволяет объяснить позицию законодателя, не допустившего перехода этого права по наследству» [4; 28].

В противовес вышеизложенному мнению выступает Э. П. Гаврилов, допуская возможность наследования указанного права. Он полагает, что «договор о выплате вознаграждения за использование служебного РИД (результата интеллектуальной деятельности) не предусматривает личного участия автора, ведь автор уже создал служебный РИД и исключительное право на него уже перешло к работодателю» [5; 25]. Данная позиция впоследствии нашла отражение в Постановлении № 9 от 29 мая 2012 г., указавшем на возможность включения в состав наследства права на вознаграждение за служебные результаты интеллектуальной деятельности.

На наш взгляд, договор о выплате вознаграждения подчиняется правовому регулированию ГК РФ (абз. 3 п. 2 ст. 1295, абз. 3 п. 4 ст. 1370, п. 5 ст. 1430, п. 4 ст. 1461 ГК РФ), в силу которого одна сторона (работодатель) обязана выплатить вознаграждение за результат интеллектуальной деятельности, а другое лицо (автор, а в случае его смерти - наследники) получить вознаграждение. Поэтому право на вознаграждение за результаты интеллектуальной деятельности подлежит включению в состав наследства.

Что касается наследования обязательственных прав и обязанностей автора, то в научной литературе существует неоднозначное понимание этого вопроса. Р.А. Мерзликина правоотношения в сфере интеллектуальной собственности разделяет на исключительные и обязательственные, считая при этом, что «исключительные правоотношения - это правоотношения, фиксирующие принадлежность объекта интеллектуальной собственности первоначальному субъекту в режиме исключительного права, а обязательственные - это правоотношения, в силу которых осуществляются действия по уступке исключительного права или предоставлению неисключительных прав правоприобретателю с целью использования результата интеллектуальной деятельности на основании договоров» [6; 8]. Наступление факта смерти автора-наследодателя, по общему правилу, не влечет ни изменения, ни прекращения договоров, в которых последний являлся стороной. Правопреемником наследодателя по договорам становятся наследники автора. Помимо наследования обязательственных прав, наследники автора принимают в наследство и некоторые обязанности, вытекающие из договоров (например, согласно п. 3 ст. 1244 ГК РФ обязанность автора оплатить вознаграждение аккредитованной организации по договору о передаче полномочий по управлению правами) в соответствии с основополагающим принципом наследственного права - универсального правопреемства прав и обязанностей наследодателя.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам.

1. Необходимо дополнить ч. 1 ст. 1112 ГК РФ нормой: «В состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности, а также исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации и иные приравненные к ним объекты».

2. С целью устранения противоречия позиций законодателя и Верховного Суда РФ, изложенной в Постановлении № 9 от 29 мая 2012 г., о возможности наследования личных неимущественных прав наследодателя, следует изменить ч. 3 ст. 1112 ГК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Не входят в состав наследства личные неимущественные права и

другие нематериальные блага, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ». Данная оговорка будет уместна в связи с разъяснениями высшей судебной инстанции, допускающей возможность наследования некоторых личных неимущественных прав на объекты интеллектуальной собственности.

3. В отношении права на вознаграждение за результаты интеллектуальной деятельности не распространяется режим п. 2 ст. 1112 ГК РФ, данное право носит имущественный характер, а потому следует его включать в состав наследственного имущества.

Библиографический список:

1. Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей / В. А. Дозорцев // Исследовательский центр частного права. - М., 2005.
2. Гришаев, С. П. Наследственное право: учебно-практическое пособие / С. П. Гришаев. - М., 2011.
3. Фольгерова, Ю. Н. Наследование личных неимущественных прав автора произведения / Ю. Н. Фольгерова // Актуальные проблемы права России и стран СНГ -2010: материалы XII Международной научно-практической конференции с элементами научной школы. - Челябинск, 2010.
4. Шилохвост, О. Ю. Наследование прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации / О. Ю. Шилохвост // Патенты и лицензии. -2008. - № 9.
5. Гаврилов, Э. П. О наследовании интеллектуальных прав / Э. П. Гаврилов // Хозяйство и право.
6. Мерзликина, Р. А. Гражданско-правовая регламентация интеллектуальной собственности в российском праве: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук / Р. А. Мерзликина. -М., 2008.

Шафиева София Ильдаровна
Shafieva Sofiya Ildarovna

Скибенко Яна Григорьевна
Skibenko Yana Grigorevna

Студентки

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону

E-mail: yanaskibenko@mail.ru

УДК 347.232

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

LEGAL REGIME OF UNAUTHORIZED CONSTRUCTION: ACTUAL PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Аннотация: Рассмотрена проблема правового режима самовольной постройки, ужесточения легитимации самовольной постройки, исследуется приобретение права собственности на самовольную постройку в историческом аспекте, обосновываются причины теоретических и практических проблем, связанных с институтом самовольной постройки.

Annotation: The problem of legal structure of buildings erected without proper legal authorization and legitimation stiffening are considered; acquisition of title for buildings erected without proper legal authorization is studied in the historical aspect; reasons for theoretical and practical issues connected with the notion of buildings erected without proper legal authorization are proved.

Ключевые слова: самовольная постройка, недвижимое имущество, земельный участок, приобретение права собственности, правовой режим самовольной постройки.

Keywords: unauthorized construction, real estate, land, acquisition of property rights, legal regime of unauthorized construction.

Одним из самых нестабильных институтов гражданского права с точки зрения законодательного регулирования является институт самовольной постройки. Данное обстоятельство

объясняется тем, что с изменением экономических, социальных и политических факторов законодательное регулирование самовольного строительства меняется то в сторону ужесточения легитимации самовольных построек, то в сторону ее либерализации.

Речь идет о проблеме правового режима самовольной постройки и определения правовой природы данного объекта. В настоящее время данная тема приобрела особую актуальность в свете множества проблем теоретического и практического характера, связанных с приобретением права собственности на самовольную постройку.

Впервые самовольное строительство и его некоторые правовые аспекты нашли свое отражение в Постановлении СНК РСФСР от 22 мая 1940 г. № 390 «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках». Впоследствии положения о самовольной застройке были закреплены в Гражданском кодексе РСФСР 1964 года.

Порядок легализации самовольной постройки в настоящее время закреплен в ст. 222 ГК РФ. Положения ст. 222 ГК РФ в редакции до 1 сентября 2006 г. привели к тому, что лица, осуществившие самовольное строительство, могли воспользоваться судебным признанием права собственности в обход административного порядка, что противоречило исключительному характеру ст. 222 ГК РФ.

В результате в 2006 году п. 3 ст. 222 ГК РФ был изменен. С 1 сентября 2006 г. право собственности на самовольную постройку может быть признано только за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, где осуществлена постройка. По-видимому, изменение правового регулирования приобретения права собственности на самовольную постройку связано с попыткой реализовать принцип «единой судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов», закрепленный в пп. 5 п.1 ст. 1 ЗК РФ. Данный принцип можно рассматривать как основополагающую идею, по которой земельный участок является главной вещью, а расположенная на нем недвижимость его принадлежностью[1; 54].

В настоящее время возможность легализации самовольных построек крайне ограничена. Так, с учетом совместного постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 10/20 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» право собственности на самовольную постройку может быть признано лишь за лицом, которое обращалось в уполномоченные органы за выдачей разрешения на строительство, но по независящим от него причинам разрешение выдано не было.

Однако в Концепции развития гражданского законодательства указывается на то, что снос самовольной постройки целесообразен только тогда, когда ее сохранение нарушает права или охраняемые законом интересы других лиц либо создает угрозу жизни и здоровью граждан, или когда постройка возведена на земельном участке, строительство на котором запрещено законом. Кроме того, в Концепции указано на необходимость расширения возможности для признания права собственности застройщика на самовольную постройку, возведенную на не принадлежащем ему земельном участке.

Новый подход законодателя связан с тем, что ужесточение легитимации самовольных построек не приводит к положительным результатам. Фактически самовольные постройки, если они не затрагивают частных интересов, не сносятся. Негативным последствием такого положения вещей является легальное уклонение от уплаты налога на имущество фактических владельцев самовольных построек. Кроме того, владельцы самовольных построек могут распоряжаться ими путем отчуждения земельного участка, на котором эта постройка возведена, по цене, включающей стоимость объекта самовольного строительства.

Представляется, что законодатель пытается установить баланс интересов общества и владельцев самовольных построек с учетом того, что самовольная постройка как объект недвижимого имущества аккумулирует значительные материальные вложения. Поэтому экономически снос данных построек нецелесообразен[2; 120].

При таких обстоятельствах анализ правовой природы, специфики и правового режима самовольной постройки будет способствовать выбору наиболее оптимального правового регулирования отношений по приобретению права собственности на самовольную постройку.

Особенность правового режима самовольной постройки в первую очередь связана с двойственностью ее природы. С одной стороны, самовольная постройка является правонарушением, которое состоит в нарушении норм земельного и градостроительного законодательства. С другой стороны, самовольная постройка является одним из условий или оснований приобретения права собственности в порядке п. 3 ст. 222 ГК РФ. Соответственно категория «самовольная постройка» выступает в качестве условного понятия, являющегося элементом фактического состава, необходимого для приобретения права собственности.

С практической и теоретической точек зрения необходимо выяснить, относится ли самовольная постройка к недвижимому имуществу и к объектам гражданских прав в целом. Так, суды в своей практике исходят из того, что самовольная постройка не является объектом гражданских прав [3].

На наш взгляд, самовольную постройку необходимо относить к недвижимому имуществу, в силу того, что в ст. 130 ГК РФ среди квалифицирующих признаков объекта недвижимого имущества государственная регистрация не упоминается. Кроме того, акт государственной регистрации не является фактом, изменяющим правовую природу явлений. Отнесение самовольной постройки к недвижимому имуществу, т.е. к разновидности вещей, приводит к выводу, что она является объектом гражданских прав.

Таким образом, правовое регулирование самовольной постройки должно изменяться с учетом того, что самовольная постройка относится к объектам гражданских прав с особым правовым режимом. Под правовым режимом самовольной постройки следует понимать совокупность гражданско-правовых норм, регулирующих содержание прав и обязанностей лица, осуществившего самовольную постройку, до момента возникновения права собственности на нее, условия и порядок приобретения права собственности на самовольную постройку, а также осуществление расчетов между собственником и лицом, создавшим самовольную постройку.

Библиографический список:

1. Чубаров В. В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М., 2006.
2. Савина А. В. Правовой режим самовольной постройки: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
3. См.: определение вАС РФ от 8 июня 2009 г. № ВАС-6731/09 по делу № А76-25766/2007-4-677/150 постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 23 августа 2010 г. по делу № А46-21878/2009.

Джиджавадзе Леван Гияевич
студент I курса, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова»
Dzhidzhavadze Levan Giyaevich
first-year student, Yaroslavl State University
E-mail: LevanDzhidzhavadze@yandex.ru

УДК 34(37)

СТАТУС СВОБОДЫ В РИМСКОМ ПРАВЕ

STATUS OF LIBERTY IN ROMAN LAW

Аннотация: В данной статье через призму исторического подхода исследуется статус свободы в римском праве, основания его приобретения и утраты. Также анализируется его влияние на правовое положение человека в обществе.

Abstract: In this article, through the prism of the historical approach examines the status of freedom in Roman law, the grounds for its acquisition and loss. It also analyzes its impact on the legal status of the individual in society.

Ключевые слова: Римское право, свобода, раб, вольноотпущенники, свободнорожденные, латины, манумиссия, гражданская манумиссия, преторская манумиссия, Институции Гая, Дигесты Юстиниана.

Keywords: Roman law, freedom, slave, freedmen, free-born, latins, manumission, civil manumission, praetor's manumission, the Institutes of Gaius, the Digest of Justinian.

Римское право оказало огромное влияние на романо-германскую правовую семью. Оно было рецептировано многими странами Западной Европы. Именно римское право было одним из главных источников таких памятников права, как Германское гражданское уложение 1896 г. и Кодекс Наполеона 1804 г. Нормы римского права повлияли и на российское законодательство, проникнув из Византии с принятием христианства. Одним из главных состояний правоспособности (caput) в Риме

было состояние свободы (*status libertatis*). Поэтому важно проанализировать и понять, какую роль в римском обществе играла свобода, как она приобреталась и утрачивалась.

Согласно книге I §§ 9-12 Институций Гая, все лица подразделялись на свободных и рабов. Первые, в свою очередь делились на свободнорожденных и вольноотпущенных. При этом подчеркивалось, что вольноотпущенные могли быть римскими гражданами, латинами и покоренными с оружием в руках [1, 90]. В соответствии с Дигестами Юстиниана, свободнорожденными считались лица, родившиеся от свободной матери, причем она могла быть служанкой во время зачатия и после родов (D.1.5.5.2) [2, 116]. Даже если в период беременности женщина стала рабыней, то ребенок сохранял *status libertatis*. Марцелл пояснял эту ситуацию так, что ребенок считался свободным, если его мать была свободной любой промежуток времени, пока плод находился в утробе. Кроме этого, согласно D.1.5.25, человек мог быть признан судом свободнорожденным, потому что судебное решение являлось истиной [2, 120]. Также, можно было получить свободу и стать вольноотпущенником, в результате прекращения рабского состояния, чаще всего это делалось посредством манумиссии - добровольного действия хозяина. Освободить раба с помощью данной процедуры, согласно D.40.1.1, могло лицо, достигшее 20 лет [3, 518]. Господин моложе данного возраста мог отпускать невольника только перед советом, доказав законные основания, или по решению суда. При *manumissio vindicta* советом одобрялись обычно следующие причины: если раб приходился родным сыном, учителем, воспитанником, кормилицей господина или был связан с ним кровным узами. Также, без учета условия достижения хозяином 20 лет, он мог отпускать раба, которому исполнилось 18 лет, чтобы тот стал его поверенным, при условии, что он не единственный его раб; для вступления рабыни в брак с принесением клятвы о том, что она станет женой в течение полугода (D.40.2.11, D.40.2.13, книга I §19 Институции Гая) [3, 534-535; 1]. Кроме этого, не достигший 20 лет мог позволить освобождение раба, данного ему в залог. Иногда выделялись случаи, когда доминусу, не достигшему 20 лет, не надо было доказывать причины освобождения невольника. Так он мог освободить раба, которого получил с условием освобождения, или если у него есть на то разрешение своего отца (D.40.1.16, D.40.1.20) [3, 527].

Устанавливались и определенные запреты на отпущение невольника. (D.40.2.4.2) [3, 531]. Не допускалось освобождение раба, обвиненного в совершении преступления, и раба безумного, однако если хозяин обещал ему дать свободу по фидеикомиссу, то агнат-попечитель мог осуществить это. Запрещалось отпускать невольника, если срок, указанный в легате, не наступил. Также государственные преступники не могли освобождать рабов. Кроме этого, господину в течение 10 лет запрещалось отпускать невольников, совершивших ограбление, или за которых был выплачен штраф. Еще основанием невозможности освобождения раба был запрет со стороны префекта или наместника. (D.40.1.8, D.40.1.9, D.40.1.11, D.40.1.12, D.40.1.13) [3, 525].

Выделяли несколько типов манумиссий:

1. Цивильная манумиссия. Для ее совершения господин должен был обладать полной гражданской правоспособностью. Также, его действия не должны были нарушать права других людей по отношению к этому рабу. Согласно книге I § 37 Институций Гая, отпущение раба во вред кредиторам и патрону признавалось недействительным [1, 91].

2. Преторская манумиссия. Данная форма отличалась меньшим формализмом, чем цивильная. Отсутствие торжественной формы приводило к тому, что, с точки зрения гражданского права, человек не считался освобожденным. Так как это было несправедливо, претор предоставлял специальное средство защиты фактически свободного состояния раба, при этом отказывая господину в истребовании раба.

3. Иные виды манумиссий.

Первый тип манумиссии делился на три вида: *manumissio testament* (по завещанию), *vindicta*, *manumissio sensu* (путем включения в цензорские списки). Первый совершался в повелительной форме. При этом законодатель обращал внимание на то, что по Закону, если господин имел от 2 до 10 рабов, то мог отпустить на волю по завещанию только половину, от 10 до 30 - треть, а от 30 до 100 - четверть, от 100 до 500 - пятую часть. Также, согласно Закону Фуфия Каниния, на волю хозяин мог отпустить, по крайней мере, максимальное число рабов из предыдущей группы (книга I § 43 Институции Гая) [1, 91]. Рабы, перечисленные в завещании без определенного порядка, не становились свободными лицами. Позже данный закон был отменен Юстинианом.

Происхождение второго вида манумиссии не ясно, Цезаре Санфилиппо считал, что она близка к уступке на суде (*in iure cessio*), при которой было достаточно молчаливого согласия доминуса для получения свободы рабом [4, 117]. И.А. Покровский называл данный процесс «искусственным образованием» [5]. В республиканский период *in iure cessio* совершалась с некоторыми изменениями, которые были связаны с тем, что *dominus* в присутствии магистрата объявлял о желании отпустить раба на свободу, причем в любом месте (D.40.2.7) [3, 533]. В Юстиниановский период *vindicta* лишилась формализма и свелась к простому заявлению.

Manumissio sensu нашла отражение в книге I § 17 Институций Гая [1, 90]. В данной процедуре участвовал цензор, который с разрешения господина вносил раба в цензорский список, обеспечивая тем самым ему свободу.

Существовало несколько способов прекращения рабства по преторскому праву, самые распространенные из них это - *manumissio inter amicos* («между друзьями») и *manumissio per epistolam* (путем составления господином отпускного письма), *per mensam* (на пиру). Закон Юния Норбана (Юния Норбана) установил, что лица, освобожденные данными способами, становятся латинами.

Римское право знало и иные виды манумиссий, среди них: манумиссия посредством фидеикомисса, *manumissio in ecclesia*, которая совершалась путем заявления перед верующими. Вопросу о первом виде манумиссии в книге 40 Дигест посвящен титул 5 [3, 568-632]. Если некоторые из тех лиц, которые должны были обеспечивать свободу, присутствовали, а другие отсутствовали или скрывались, то раб все равно становился свободным, но не сразу, а в момент присуждения обязанностям лицам имущества. К тому же стоит подчеркнуть, что раб, получивший свободу, попадал под опеку того лица, которому было присуждено имущество. Если кто-либо, не достигнув 20 лет, отпускал раба на волю, то сделать он это мог не иначе как посредством фидеикомисса. Рабы, отбывающие наказание на рудниках, не могли рассчитывать на свободу, в то время как зачатому от приговоренной к данным работам она давалась. Также, по фидеикомиссу свобода могла быть оставлена еще не родившемуся (D.40.5.1), (D.40.5.5), (D.40.5.6) [3, 569]. Дигесты также предусматривали возможность манумиссии со стороны сообществ. Согласно книге 40 титуле 3 Дигест, коллегии, имеющие право собираться, могли отпустить раба, при этом виндицируя законное наследство вольноотпущенника, сохраняющего за собой пекулий [3, 538-539].

Кроме манумиссий выделяют и другие законные способы приобретения свободы:

1. Если раб был продан с условием освобождения, то он становился свободным вне зависимости от того, живы ли были покупатель и продавец. Невольник получал свободу сразу, даже если имущество покупателя было отдано в залог.

2. Тяжелобольной раб, брошенный господином, становился свободным.

3. Раб, раскрывший убийство своего господина, становился вольноотпущенником.

4. В случае продажи господином своего права увести рабыню, занимающуюся проституцией, она становилась свободной.

5. Если дочь получала от матери в дар раба с условием заботы о нем и не выполняла условие, то раб становился свободным (D.40.8) [3, 672-674].

Прекращение рабства и приобретение свободы порождало собой определенные правовые последствия. В книге I § 14 Институций Гая подчеркивалось, что *peregrini dediticii* (иностранцы, покоренные с оружием в руках), отпущенные на волю, никогда не будут являться римскими гражданами. Аналогичное положение, в соответствии с законом Элия Сенция, имели вольноотпущенные, подвергшиеся таким наказаниям, как клеймение, пытка и сражавшиеся на арене с животными (книга I § 13 Институции Гая). Получивший свободу раб мог стать римским гражданином, если отвечал следующим условиям:

1. Был старше 30 лет. Закон предусматривал исключение из этого пункта, согласно которому, вольноотпущенник моложе 30 лет становился римским гражданином, если по завещанию приобрел свободу и стал наследником своего господина, и при условии, что никто ни в силу свободы, ни в силу этого завещания не получил наследство раньше него. Также законодатель обращал внимание на то, что лица старше 30 лет приобретали свободу в любое время, «даже по дороге (мимоходом), например, когда претор или проконсул идут в баню или театр» (книга I §§ 20, 21 Институции Гая).

2. Принадлежал господину по цивильному праву.

3. Был отпущен на волю путем внесения в цензорский список или с помощью процедуры *vindicta*, или путем составления завещания.

4. Не являлся *peregrini dediticii*.

В случае если отсутствовало одно из этих условий, законодатель говорил, что вольноотпущенники становились латинами (книга I §17 Институции Гая) [1, 90]. Также, по закону Элия Сенция, латином мог быть раб моложе тридцати лет, получивший свободу по завещанию. Кроме этого, им мог быть невольник в возрасте 30 лет, который приобрел свободу от господина, владевшего им на праве бонитарной собственности, а также раб, получивший свободу «между друзьями», если не было других препятствий. Все вышеперечисленные лица изначально считались ставшими вольноотпущенными по преторскому праву, а позже все латины стали признаваться получившими свободу по закону Юния (книга I § 22 Институции Гая).

Стоит подчеркнуть, что положение покоренных с оружием в руках из всех вольноотпущенников было самым плохим. Так, согласно книге I § 27 Институций Гая, им даже запрещалось жить и исполнять обязанности в Риме и за сто миль от него, а если они нарушали эти установления, то лишались свободы. Также, данная категория лиц не могла ничего приобретать по завещанию и составлять его. У вольноотпущенников, ставшими латинами, тоже были ограничения в правах. Они по Юниеву закону не могли выступать составителями завещания и наследниками по завещанию, а также не могли быть назначены опекунами по завещанию, но могли приобретать имущество по фидеикомиссу (книга I §24 Институции Гая). Кроме этого, все вольноотпущенники имели определенные ограничения в доступе к некоторым общественным и государственным должностям. В некоторых случаях законодатель предусмотрел возможность превращения вольноотпущенника в свободнорожденного. Так, согласно книге 40 титулу 11 Дигест, император мог восстановить вольноотпущенника в правах свободнорожденного [3, 692].

Римскому праву было известно такое понятие, как *capitis deminutio* (умаление правоспособности). Утрата свободы называлась *capitis deminutio maxima*, и влекла за собой утрату и статуса гражданства, и статуса семьи (книга I §159 Институции Гая). Она чаще всего совпадала со способами приобретения рабства. По праву народов рабство приобреталось путем рождения от рабыни или с помощью военного плена, а по гражданскому праву - если кто-то, достигнув 20 лет, позволил себя продать в рабство за долги (D.1.5.5.1) [2, 119]. Также свободу мог потерять вольноотпущенник в связи с его возмутительным отношением к патрону. Рабом становилось лицо, уклонявшееся от внесения в цензорские списки или от военной службы. Кроме этого, рабами становились женщины, которые против воли господ, вступали в отношения с рабами (книга I §160 Институции Гая).

Рабы выступали объектом права и относились к манципируемым, телесным вещам (D.1.8.1.1) [2, 142]. Они были имуществом господина, при этом сохраняли право на заключение некоторых сделок, выгодных их господину. В республиканский период в целях повышения экономической заинтересованности раба в результатах своего труда ему стал даваться *пекулий*, позволяющий оставлять себе часть дохода, а позже, в имперский период такая практика окончательно закрепилась [6, 167]. Кроме того, раб подлежал защите, как имущество хозяина. Похищение раба приравнивалось к воровству, также нельзя было укрывать беглого раба. Его необходимо было выдать властям. Постановление сената освобождало от ответственности тех, кто в течение 20 дней передавал беглых рабов господину или магистрату (D.11.4.1, D.11.4.3) [7, 586].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что для статуса свободы был характерен дуализм, который являлся особенной чертой всего римского права. В вопросе о приобретении свободы гражданскому праву противостояло преторское право, а ее утраты – право народов. Так, в гражданском и преторском праве существовали свои способы приобретения свободы. В гражданском праве, в основном, это были *манумиссия* по завещанию, *vindicta* и путем включения в цензорские списки. Они отличались большим формализмом, поэтому необходимы были другие более удобные способы, которые и предоставлял претор. В преторском праве освобождение раба делалось простым заявлением господина. Следует отметить, что и правовые последствия освобождения раба были разными. В случае освобождения по гражданскому праву раб становился гражданином, а по преторскому – латином. Выделяли и другие способы приобретения свободы в силу закона, которые в основном исходили из неподобающего поведения господина или заслуг раба. Утрата свободы по

праву народов происходила, как указывали Дигесты Юстиниана, путем пленения или рождения от рабыни, а по гражданскому праву – это была продажа в рабство в случае уклонения от исполнения своих обязанностей или за долги. Исчез такой дуализм только при Юстиниане, который попытался объединить эти правовые системы. Полноправными считались только свободнорожденные, вольноотпущенные же имели ограничения в правах, которые заключались в сужении их наследственных прав, в ограничении возможности занимать публичные должности. Кроме того, некоторые из них не могли проживать в Риме и его округе. Рабы же являлись самой бесправной категорией населения. Сейчас свобода также составляет основу правового статуса человека и гражданина, но при этом содержание данной дефиниции стало шире, она стала пониматься не только как личная независимость, но и как свобода передвижения, слова, вероисповедания, информации.

Библиографический список:

1. Институции Гая. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / под ред. К. И. Батыра и Е.В. Поликарповой. Т. I. М.: Проспект, 2017. С. 89 – 128.
2. Дигесты Юстиниана. Перевод с латинского. / Отв. ред.: Кофанов Л.Л. Т. 1: Кн. 1 – 4. М.: Статут, Консультант Плюс, 2002. — 584 с.
3. Дигесты Юстиниана. Перевод с латинского. Т. 6: Полутом 1: Кн. 37 – 40. / Отв. ред.: Кофанов Л.Л. М.: Статут, 2005. — 728 с.
4. Санфилиппо Чезаре. Курс римского частного права: Учебник. / Под ред. Д.В. Дождева. М.: Издательство БЕК, 2002. — 400 с.
5. Покровский И.А. История римского права. Серия: Классика российской цивилистики. 2004. // Справочная правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 05.07.2017).
6. Государство в Древнем Риме. // История государства и права зарубежных стран: в 2 т. / Отв. ред. Н.А. Крашенинникова и О.А. Жидков. Т. I. М.: Норма: Инфра, 2010. С. 160 – 192.
7. Дигесты Юстиниана. Перевод с латинского. Т. 2: Кн. 5 – 11. / Отв. ред.: Кофанов Л.Л. М.: Статут, 2002. — 622 с.

Лукоянова Эльвира Рефатовна

Lukoyanova Elvira Refatovna

исполнительный директор

АНО «Поволжская семейная академия «УМАЙ»

Г. Казань, Республика Татарстан

E-mail: umai.su@yandex.ru

Леонтьева Татьяна Ивановна

Leontyeva Tatyana Ivanovna

генеральный директор

кандидат философских наук

АНО «Поволжская семейная академия «УМАЙ»

Г. Казань, Республика Татарстан

E-mail: umai.su@yandex.ru

УДК 34

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ДОСТИЖЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

**THE CONTRADICTIONS IN THE ACHIEVEMENT OF SOCIAL JUSTICE IN THE
IMPLEMENTATION OF ACTIVITIES OF BODIES AND ESTABLISHMENTS OF SYSTEM OF
PREVENTION OF NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY: WAYS OF OVERCOMING**

Аннотация: через анализ структуры конфликтного взаимодействия между акторами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних обосновано применение медиативных технологий как возможного пути преодоления противоречий в достижении социальной справедливости.

Abstract: through the analysis of the structure of conflict interaction between actors of the system of prevention of neglect and offenses of minors justified the use of mediation technology as a possible way of overcoming contradictions in the achievement of social justice.

Ключевые слова: профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, медиативные технологии, социальная справедливость.

Key words: prevention of child neglect and juvenile delinquency, mediation technology, social justice.

Анализ открытых источников учета правонарушений детей и подростков Российской Федерации дает основания утверждать, что существуют «статистические данные, демонстрирующие неизменную тенденцию к омоложению и феминизации детской преступности, а также рост количества повторных правонарушений» [14]. Актуальными остаются негативные тенденции в статистике подростковой преступности: так, за период январь-май 2016 года 4,1% от расследованных преступлений совершено несовершеннолетними или при их участии; из числа выявленных лиц, совершивших преступления, несовершеннолетние составляют 4,5% [12].

Одним из основных факторов формирования отклоняющегося поведения детей и подростков, в том числе беспризорности и правонарушений, наряду с дефектами школьного, семейного и общественного воспитания, выступает отсутствие социальной справедливости [13,15].

Система мер, направленных на профилактику правонарушений среди несовершеннолетних в Российской Федерации, включает в себя подразделения МВД по работе с несовершеннолетними правонарушителями – Инспекция по делам несовершеннолетних; при административных структурах действуют Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – Комиссии), в центрах социального обслуживания населения существуют отделы по работе с семьей и другие субъекты профилактики безнадзорности, беспризорности и профилактики правонарушений несовершеннолетних. Деятельность каждого из субъектов профилактики регламентируется рядом ведомственных нормативно-правовых актов различного масштаба. Документом, призванным определять межведомственное взаимодействие, является Федеральный закон №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [10].

Следует отметить, что принятые в последние годы законодательные новеллы, регламентирующие правоотношения в различных сферах общественной жизни [4;5;6;7;8] и относящиеся к деятельности субъектов системы профилактики [10;11] существенно смещают локус ответственности за индивидуальные благосостояние и безопасность с государственных органов на человека, его семью, закладывая основы практической реализации парадигмы партнерских отношений «государство-гражданин».

Анализ выступлений участников XXII Всемирного философского конгресса в Сеуле, показал, что такие тенденции являются выражением понимания справедливости, основанного на следовании должному воздаянию как позитивному, так и негативному, на принципах беспристрастности и равенства, которые признаются как ценность и на различных культурно-исторических этапах, и в различных культурных традициях.

Отмеченные социокультурные и правовые изменения в российском обществе медленно, но неотвратимо формируют новое понятие справедливости, в большей степени соответствующее современному пониманию, которое утверждается и действующим Уголовным кодексом РФ [16], где впервые в качестве цели правосудия закреплено восстановление социальной справедливости.

Краеугольным камнем по реализации концепции достижения социальной справедливости при отправлении правосудия по отношению к несовершеннолетним, находящимся в конфликте с законом, выступает Комиссия. Российское законодательство, регламентирующее функции и полномочия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав дополнено Федеральным законом 1999 года 120-ФЗ (далее – Закон), а также Постановлениями Правительства №272 и №995,

призванная во взаимодействии с другими органами и учреждениями этой системы устранять причины и условия, способствующие антиобщественному поведению подростков [10], используя «технологии помощи, ориентированные на развитие внутренних ресурсов семьи, удовлетворение потребностей ребенка при поддержке государства».

Комиссия выступает координатором всех органов системы предупреждения детской безнадзорности и правонарушений, совершаемых подростками, вместе с тем она является центральным звеном по анализу причин, способствующих совершению антиобщественных действий подростками и беспризорности несовершеннолетних [10].

Между тем, в принятом Указе Президента «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы», среди основных задач названы «реформирование Комиссий и создание эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых как в отношении детей, так и самими детьми, системы правосудия и системы исполнения наказаний, дружественных к ребенку».

Отдельные представители системы профилактики продолжают выполнять свою отдельную функцию в рамках Комиссии, которую они уже выполняют в соответствии с уставной деятельностью и на сегодняшний момент не существует эффективной мотивации возникновения нового системного взаимодействия; объединения усилий не происходит [2; 3].

Исследователи описывают различные причины такого течения процесса. Например, Северный А.А. и Альтшулер Б.Л. выделяют, в том числе, малую эффективность многообразных ведомств и учреждений по комплексному решению проблем детства, обусловленную: «ведомственной ограниченностью и межведомственной разобщенностью в организации деятельности; отсутствием организационно-методических системных подходов в реализации межпрофессионального взаимодействия как в деятельности учреждений, так и в подготовке кадров [1].

Дефекты Правовые коллизии в сфере законодательного регулирования взаимодействия между названными органами и учреждениями по мнению многих авторов, в том числе Д.В. Деменчук, «снижают эффективность координирующей деятельности Комиссий и существенно затрудняет их совместную работу» [3].

Ведомственные нормативно-правовые акты в настоящее время направлены на формирование у специалистов компетенций переговоров с клиентами: добровольности вступления в отношения, прозрачности (информированности), равной ответственности сторон за результаты деятельности. Данный вид взаимоотношений сторон (государственного учреждения и гражданина) мы можем обозначить как «субъект - субъектные», которые в литературе чаще обозначаются как коммуникативный тип справедливости.

Ожидаемо было бы проследить логику данной парадигмы справедливости и в межведомственном взаимодействии субъектов профилактики в ходе деятельности Комиссии. Действительно, одним из основных онтологических оснований деятельности Комиссии является «открытый» принцип ее формирования – отсутствие соподчиненности субъектов профилактики друг другу. В то же время, как справедливо отмечает Т.А. Танкова, «службы, входящие в состав КДН и ЗП не имеют единого руководства, не всегда могут сотрудничать в унисон и отнюдь не стремятся войти в подчинение КДН, как координирующего органа. Отсюда возникают противоречия между составными частями единого «организма» [15].

В связи с вышесказанным общая задача – достижение социальной справедливости в деле профилактики правонарушений несовершеннолетних - у новой системы не появляется, а сохраняются преимущества ведомственных задач перед субъектами. Данный вид взаимоотношений сторон (Комиссии и ее членов, государственных учреждений – субъектов профилактики) мы можем обозначить как «субъект - объектные», которые в литературе чаще обозначаются как дистрибутивный/распределительный тип справедливости.

Одномоментное сосуществование двух парадигм в деятельности субъектов профилактики, по нашему мнению, несет в себе противоречие, усугубленное разнообразием поставленных перед Комиссией задач и недостаточностью правовой регламентации взаимодействия между субъектами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в процессе осуществления их полномочий.

Наличие данного противоречия обуславливает существование определенного количества конфликтов между субъектами профилактики в деятельности Комиссии. Конфликты при взаимодействии субъектов профилактики в пространстве Комиссии, не всегда несут в себе конструктивный потенциал. Нередко они способствуют редукции от недостаточно пока укоренённого у представителей субъектов профилактики навыка договариваться с клиентом к существовавшему на протяжении долгого исторического периода навыка патерналистического отношения к клиенту, то есть к возврату на позиции распределительного типа справедливости в отношениях «государственное учреждение – клиент»

Наличие, объем и структуру таких конфликтов можно проиллюстрировать результатами проведенного нами эмпирического исследования, охватившего 168 человек: 134 члена районных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и 34 ответственных секретаря комиссий Республики Татарстан).

Сочетание наличия у большинства членов Комиссий длительного профессионального стажа (до 10 лет), характеризующего высокий уровень сформированности профессиональных компетенций и незначительного опыта участия в деятельности коллегиального органа (в среднем до 2 лет) дают основания для предположения о наличии высокого уровня напряжения в межличностных и профессиональных коммуникациях.

Для решения исследовательских задач на протяжении 2014-2016 гг. с членами районных Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав Республики Татарстан, на условиях анонимности респондентов, нами было проведено 214 неформализованных интервью, темой которых стали конфликты, возникающие в деятельности Комиссий. В ходе интервью всем респондентам было предложено ответить на один запланированный вопрос с просьбой о перечислении конфликтов, с которыми интервьюируемые имели дело при выполнении функций по реализации задач Комиссии на протяжении одной недели «с... по ...» (указывались даты за две недели до интервьюирования).

В результате исследования были собраны данные о 1678 конфликтах, сформировавшихся на протяжении 2013-2015 гг. в ходе деятельности Комиссий. Среднее количество конфликтов, описываемых в беседе, составляет 7,84 единицы или, учитывая временной промежуток в 6 рабочих дней, 1,31 единицы в день.

Принимая во внимание, что во время интервью фиксировались лишь конфликты, осознаваемые участниками исследования, то есть открытые, имеющие социальную значимость, последствия и эмоциональную окраску, можно говорить о наличии значительного количества конфликтов, формирующихся в ходе деятельности Комиссии, среди которых преобладают конфликты на межличностном уровне (межличностные и межличностно-групповые).

Отдельно проанализированы 539 конфликтных ситуаций, участниками которых стали субъекты профилактики (так называемые внутриучрежденческие конфликты).

Все 539 конфликтов можно отнести к организационным по источникам возникновения, горизонтальным по коммуникативной направленности, открытым по формам столкновения.

Не все конфликты оказалось возможным отнести к производственно-экономическим. Так, например, в 12 случаях (2,23%) высказывания респондентов позволили охарактеризовать их как идеологические, а в 45 случаях (8,35%) в качестве причины конфликтов можно было выделить бытовые условия.

Только в 124 случаях (23,01%) случаях респонденты описывают конфликтные ситуации как неизбежные и вынужденные. При этом в 74% случаев респонденты косвенно или прямо указывают на возможность разрешения противоречий до момента актуализации конфликтного взаимодействия. В 23,6% случаев были отмечены упоминания ресурсов личности ответственного секретаря в качестве возможного посредника при конфликте, недостатка навыков бесконфликтного общения у участников конфликтного взаимодействия, социально-культурных стереотипов форм разрешения конфликтов.

Ни один из участников исследования не согласился с утверждением о том, что конфликт может привести к согласию и сотрудничеству. Единственным условием отнесения конфликта к группе имеющих позитивные социальные последствия для респондентов становилось правовое закрепление принятых решений. В противном случае конфликт оценивался как имеющий

негативные последствия («склока», «выпустили пар», «продавили и забыли», «поразвлекались до следующего раза», «показали, что поработали» и др.).

При категоризации 539 конфликтов выделены дихотомии с наибольшей частотой упоминаний: конфликты с позитивными или негативными социальными последствиями – 100%; межгрупповые и межличностные конфликты – 98% (528 раз) (межличностно-межгрупповые конфликты в рамках исследования попали в группу вертикальных и с участием внешних агентов); конфликты, протекающие с высокой степенью аффективности, и конфликты, протекающие с невысокой степенью аффективности – 96% (516 раз); кратковременные (менее 7 дней) и длительно протекающие конфликты – 81,4% (439 раз). Иные категории прилагались к описанию конфликта существенно реже (менее чем в 50% случаях).

Наибольший удельный вес составили конфликты с позитивными социальными последствиями, критериями которых для респондентов стала институализация решений, принятых в ходе разрешения противоречий. Кроме этого, было отмечено преобладание межличностных по составу и слабо аффективных по эмоциональным проявлениям конфликтов небольшой длительности (менее 7 дней).

Наличие конфликтов в деятельности Комиссий является безусловным сдерживающим фактором в создании единой системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, призванной сохранять «субъект-субъектные» отношения, являющиеся залогом сохранения коммуникативного типа социальной справедливости.

С целью предупреждения преимуществ ведомственных задач и «субъект - объектных» отношений, влекущих за собой формирование распределительного типа справедливости, необходима реализация мер по оптимизации внутриорганизационных коммуникаций, по формированию конструктивной рабочей обстановки в деятельности Комиссий, основанной на единстве ценностей, базовых задач и преодолении противоречий, вызванных межличностными отношениями и индивидуальными ценностными и идеологическими установками.

Все вышечисленное свидетельствует о необходимости внедрения предложения новых форм взаимодействия субъектов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в рамках работы в составе Комиссии, направленных на повышение эффективности коммуникативных компетенций членов Комиссии, на построение эффективного диалога, приводящего к конструктивному и оперативному урегулированию конфликтов. Это должен быть механизм, который позволял бы не только разрешить уже существующий, структурированный конфликт, но и предотвратить перерастание разногласий в конфликт, его последующую эскалацию.

Одним из новационных подходов в формировании устойчивых социальных связей между различными акторами в современном мире, позволяющим нивелировать субъективные и, частично, объективные причины, препятствующие построению конструктивной коммуникации, выступает философия медиации и форма ее применения в повседневной деятельности – медиативный подход, разработанный АНО «НП Центр Медиации и права» [17; 18; 19].

В настоящее время медиативная практика в нашей стране институализирована в правовом поле и опирается на Федеральный закон № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [9].

Практическая реализация данного подхода может быть осуществлена посредством диалога, проводимого при профессиональном содействии независимого помощника – медиатора, который в рамках процедуры медиации создает условия, позволяющие сторонам разрешить спор, обсудив и прояснив наиболее значимые для них вопросы в условиях конфиденциальности и взаимного уважения, способствуя достижению высокого уровня социальной справедливости за счет конгруэнтности взаимных запросов, достигаемой в ходе прояснения потребностей акторов взаимодействия; за счет трансферинга эмоционального поля через трансляцию императива взаимной социальной и индивидуальной ответственности; гибкости в формировании программ социально-психолого-медицинских программ абилитации и реабилитации формируемой в условиях нейтральности специалистов и активной позиции в вопросе достижения поставленных целей у всех участников взаимодействия.

Заключение: достижение более высокого уровня социальной справедливости является условием комплекса превенции негативных социальных явлений, связанных с жизнедеятельностью

несовершеннолетних. Расширение применения медиации и медиативных технологий в деятельности специалистов органов и учреждений профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних может способствовать снижению уровня конфликтного взаимодействия в поле межведомственного взаимодействия, трансформации философии взаимодействия акторов коммуникаций в сторону формирования «субъект-субъектных» отношений с повышением уровня взаимной социальной и индивидуальной ответственности.

Библиографический список:

1. Альтшуллер Б., Кушнир Л., Пронина С., Паперно В. – Право ребенка на защиту от отклоняющегося поведения/ Б. Альтшуллер, Л.Кушнир, С. Пронина, В. Поперно// Защити меня. – 2001. - №4. – С. 8-12.
2. Винниченко, Е.О. Правовые основы деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав: от коллизий подзаконного регулирования к новому Федеральному Закону/ Е.О.Винниченко// Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. - №4 (26). – С.131-136.
3. Деменчук, Д.В. Административно-правовой статус комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Российской Федерации: дис...к. юр. наук. 12.00.14. – М., 2014. – 132 с.
4. О занятости населения в Российской Федерации: ФЗ №1031 – 1 (ред. от 09.03.2016) от 19.04.1991 [электронный ресурс]/ режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения 10.07.2017).
5. Об опеке и попечительстве: ФЗ №48-ФЗ (ред. от 28.11.2015) от 24.04.2008 [электронный ресурс]/ режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения 15.06.2017).
6. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ [ред. от 21.07.2014] «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [электронный ресурс]/ режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/70552648/paragraph/1:2> (дата обращения 23.04.2017).
7. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ [ред. от 07.05.2013 с изменениями, вступившими в силу с 19.05.2013] "Об образовании в Российской Федерации" [электронный ресурс]/ режим доступа: <http://www.zakonbase.ru/zakony/ob-obrazovanii/> (дата обращения 05.07.2017).
8. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ №845 МВД России от 15 октября 2013 года [электронный ресурс]/ режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70485810/> (дата обращения 15.05.2017).
9. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участником посредника (процедуре медиации): ФЗ №193 от 07.07.2010 [электронный ресурс]/ режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/12177508> (дата обращения 4.04.17).
10. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [ред. от 03.07.2016]: ФЗ №120 от 24.06.1999 [электронный ресурс]/ режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения 12.07.2017).
11. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы: Указ Президента РФ от 1 июня 2012 года № 761// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – 4 июня. - №23.
12. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [электронный ресурс]/ режим доступа: URL:<http://mvd.ru/> (дата обращения 08.07.2017).
13. Понятие социальной несправедливости как общее основание для объединения причинных теорий девиантности [электронный ресурс]/ режим доступа: <http://www.jourclub.ru/9/1566/9/> (дата обращения: 03.07.2016).
14. Садовникова М.Н., Раднаева Э.Л. Дружественное ребенку правосудие и восстановительно-медиативные технологии: аналитический обзор научно-практических форумов Восточной Сибири // Сибирский юридический вестник. – 2016. - №1. – С. 92-99.

15. Танкова, Т.А. Правовые пробелы в правоприменительной практике комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав/ Т.А. Танкова// Пробелы в Российском законодательстве. – 2011. - №4. – С.242-244.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 года №63 – ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – 17 июня. - №25.
17. Шамликашвили, Ц. Основы медиации как процедуры урегулирования споров. Учебное пособие / Ц.Шамликашвили – М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2013 – 128 с.
18. Шамликашвили, Ц.А. Востребованность медиации – индикатор зрелости общества [Электронный ресурс]// URL: <http://pravotoday.in.ua/ru/press-centre/legal-style/ls-43> (Дата обращения 13.07.16).
19. Шамликашвили, Ц.А., Саскайнд, Л., Демчук, А. Менеджмент трудных решений в XXI веке. Секреты построения консенсуса или Как сделать так, чтобы довольны были все/ Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования. – М., 2009. – 208 с.

Научное издание

Коллектив авторов

Сборник статей XIV Международной научной конференции «Свобода и право»

Научный юридический журнал «Юридический факт»
Кемерово 2017